

И.А.Стернин

Проблема сквернословия

**Воронеж
2011**

В брошюре рассматривается проблема сквернословия в современном обществе, определяется понятие сквернословия, анализируются причины функции и причины распространения в обществе сквернословия и его наиболее агрессивной части - мата, объясняется их природа и предлагаются конкретные рекомендации по борьбе с этим явлением.

Издание может быть использовано как учебное пособие по спецкурсам «Экспертиза агрессивных текстов», «Экспертиза эмоциональных текстов» магистерской программы «Психолингвистика и лингвокриминалистика».

Может быть использовано преподавателями русского языка, культуры общения, широким кругом воспитателей и педагогов.

Издание 5, доп. и перераб.

© Стернин И.А., 2011

И.А.Стернин. Проблема сквернословия. Воронеж: «Истоки», 2011. - 21 с. Тираж 200 экз.

Введение

*- Был я, мамань, в Париже, залез на Эйфелеву башню... Видно хорошо... Посмотришь налево - твою мать... Посмотришь направо - твою мать... Обернешься - твою мать... Да что ж ты плачешь-то, маманя?
- Ой, Вань, да красиво-то как...
(анекдот конца прошлого века)*

Сквернословие в нашем общении, к сожалению, получило сейчас такое же распространение, как и пьянство - оно стало бытовым явлением.

Дружно клеймить сквернословие или стараться просто не замечать его - не выход, результата это не дает. Необходимо вскрывать причины и природу сквернословия - коммуникативную, социальную, нравственно-этическую, на основе чего и выработать меры по преодолению сквернословия в нашем обществе.

В начале 90-х г.г. в Москве, в Институте языкознания Российской Академии наук, защитил докторскую диссертацию ученый из Ярославля - В.И.Жельвис. В течение года в Институте шла дискуссия мужчин - членов совета: как проводить защиту? Часть членов специализированного совета - женщины. Пусть слушают или лучше попросить их не присутствовать? Но как тогда быть с кворумом?

Дело в том, что защита была посвящена инвективам - так по-научному лингвисты называют ругательства. Диссертант всесторонне изучил это явление на материале более 50 языков, провел действительно уникальное исследование - обобщил основные исследования по этой проблеме в разных странах и сам внес много нового в изучение вопроса.

Вопрос с кворумом решился неожиданно - женщины, входившие в совет, категорически запротестовали против их удаления, им тоже хотелось узнать все подробности.

Соискатель защитил диссертацию единогласно и показал, что изучение ругательств - действительно заслуживающая внимания, серьезная научная проблема. Поэтому и подходить к ней нужно по-серьезному, без ханжества и «закрывания глаз» на ее существование.

Что же говорит об инвективах современная филологическая наука?

Что понимается под сквернословием?

Чтобы понять, что такое сквернословие, необходимо уточнить стилистическую характеристику лексики.

Как показывают исследования, языковое сознание носителей языка с достаточной уверенностью различает не более трех стилистических разрядов лексики, дифференцируемых по условиям употребления:

литературная, разговорная и ненормативная лексика. Определим эти понятия с точки зрения обыденного языкового сознания.

Литературная лексика – это лексика *культурная*, которая может быть без ограничений использована в любой ситуации, причем как в устной, так и в письменной речи; эта лексика допустима в публичной речи, в общественном месте и в средствах массовой информации.

Сюда входят традиционно разграничиваемые книжная, высокая, научная, специальная, официально-деловая.

Разговорная лексика - лексика, уместная и допустимая преимущественно в устной речи между своими, в узкой компании близких, хорошо знакомых и равноправных в общении людей.

Разговорная лексика не предназначена для использования в письменной речи, в средствах массовой информации, не принята к употреблению в официальной речи, любое ее сознательное употребление в названных сферах носит намеренный, экспрессивный характер и должно быть мотивировано, «оговорено» особыми коммуникативными условиями, коммуникативной ситуацией, Употребление разговорной лексики за пределами ее коммуникативной сферы должно быть как бы «заклучено в кавычки».

Разговорная лексика уместна в соответствующих неофициальных коммуникативных ситуациях, и там она выступает как нормативная, подобно литературной.

Литературная и разговорная лексика образуют лексику **нормативную** – то есть употребление которой соответствует нормам литературной и разговорной речи.

Ненормативная лексика рассматривается как оскорбляющая собеседника и негативно характеризующая говорящего, в связи с чем в общественном мнении она рассматривается как подлежащая исключению из публичного употребления (то есть из употребления в общественных местах), при этом она, тем не менее, имеет узкие сферы своего употребления.

Среди ненормативной лексики языковое сознание достаточно рельефно выделяет три разряда – *вульгарную*, *грубую* и *нецензурную*.

Употребление *вульгарной* лексики (пузо, харя, рожа, жопа, срать, плешь проели и под.) свидетельствует прежде всего о бескультурье говорящего, неумении себя вести в обществе, незнании элементарных правил общения. При этом такая лексика обычно не адресуется собеседнику как оскорбление; культурного человека обычно оскорбляет просто ее употребление кем-либо в его присутствии.

Бранная лексика (прошу прощения за примеры - дерьмо, козел, сволочь, засранец, говно, сука, подлец и под.) обычно употребляется с намерением оскорбить или унижить адресата или третье лицо. Но она в определенных ситуациях эта лексика может употребляться и без такого намерения, использоваться безадресно, для выброса эмоций. Публичное употребление бранной лексики осуждается общественным сознанием.

Нецензурная (синоним - **непристойная**) **лексика** – это экспрессивная лексика, которую общественное сознание современного общества полностью запрещает в публичном употреблении, то есть в общественном месте. Общественным местом (применительно к речи) является любая ситуация общения, в которой присутствуют люди (хотя бы один человек), не входящие в узкий круг общения кого-либо. В узком кругу, когда нет незнакомых или посторонних, нецензурное словоупотребление не вызовет общественного осуждения – поскольку общество этого словоупотребления просто не слышит. Но если ситуация является публичной. То есть общение происходит в общественном месте – нецензурное словоупотребление полностью запрещено общественной моралью. Если при мне ругаются незнакомые мне люди, обсуждающие что-либо в своей тесной компании – они нарушают общественную мораль, так как не учитывают мое присутствие, которое делает ситуацию общественным местом, в котором нецензурное словоупотребление запрещено. Меня оскорбляет, что они не принимают меня во внимание, либо зачисляю в свой круг матершинников, к которому я не принадлежу. Это является административным правонарушением и матершинники могут быть оштрафованы за нецензурную брань в общественном месте.

Нецензурных слов в любом языке немного, но именно поэтому они при их использовании в речи производят исключительно сильное впечатление.

В русском языке нецензурных слов всего 4 – это нецензурные обозначения мужского и женского половых органов, нецензурное обозначение акта совокупления, а также нецензурное обозначение женщины-проститутки. Правда, все эти слова имеют в русском языке многочисленные производные – то есть они входят в состав многих слов, которые тоже автоматически становятся нецензурными. К нецензурной лексике относятся также некоторые нецензурные синонимы названных четырех слов – например, м...да.

Важно понимать, что нецензурная лексика, также как и бранная (инвективная), может иметь установку на оскорбление собеседника, а может и не иметь такой установки (но последнее, естественно, не отменяет ее статус как нецензурной и не делает ее допустимой в общественном месте).

Если употребление *грубой* лексики допускается только в предельно узких коммуникативных сферах, среди узкого круга «своих» (при этом всегда морально осуждается), то нецензурные слова принципиально не допускаются к употреблению при наличии слушателей и могут быть использованы говорящим только «себе под нос» или в отсутствие слушателей («в поле твоя воля» - русская народная поговорка).

На базе приведенной классификации представляется возможным определить термин *сквернословие*. **Сквернословие** – это экспрессивные слова с неодобрительным значением, используемые с намерением или без намерения оскорбить слушающего – бранная и нецензурная лексика. Сквернословие, таким образом, включает бранную лексику (осуждается

общественным сознанием) и нецензурную лексику (запрещена к публичному использованию общественным сознанием), но не включает вульгарную (которая свидетельствует прежде всего о низкой культуре и невоспитанности говорящего).

Ненормативная лексика, таким образом, включает вульгарную, бранную и нецензурную лексику и является более широким понятием, чем сквернословие.

Это видно из следующей таблицы:

по нормативности	нормативная (допустима в любой ситуации употребления)	ненормативная (допустима в ограниченном числе ситуаций употребления)		
по стилистической отнесенности	литературная и разговорная	сниженная Сленг Жаргон Просторечие Вульгаризмы (<i>харя, рожя, пузо, жопа, срать</i>)	бранная (<i>сволочь, подлец, дрянь, ублюдок, сука, дерьмо, говно</i>)	нецензурная 5 слов и их производные
по морально-этическому критерию (допустимости в общественном месте)	приличная (допустима в общественном месте)	Сквернословие некультурная (неуместна, не рекомендуется к использованию в общественном месте)		неприличная (табуирована, полностью запрещена к использованию в общественном месте)

Таким образом, сквернословие – это бранная и нецензурная лексика.

Сквернословие в языках мира

Давно существует легенда об исключительности русского мата: мол, русский мат самый сильный, все иностранцы его признают, в первую очередь его заучивают и предпочитают ругаться исключительно по-русски. Так ли это?

Ругаться на чужом языке действительно люди любят. Так легче нарушить запрет. Кавказцы, жители Средней Азии, Прибалтики часто ругаются по-русски потому, что они не всегда решаются ругаться на своем родном языке. А по-русски можно - среди другой культуры они не вполне ощущают эмоциональный заряд этих ругательств, вот и используют их. Русские в Германии часто ругаются немецким словом «шайзе» (дерьмо) - просто так легче, чем использовать «свои» слова. Мы тоже не в полной мере представляем все тонкости употребления этого

слова, да и не задаемся целью их узнать - нам достаточно знать, что это популярное ругательство, чтобы начать его использовать.

«Силу» русских ругательств не стоит преувеличивать - она определяется положением конкретных инвективных единиц внутри языка, внутри нашей культуры, ее нельзя определить «извне» и тем более каким-либо образом обобщенно сравнить с силой ругательств в других культурах. Только мы сами знаем, какое у нас ругательство сильное, какое слабое.

Американцы издали словарь «7000 русских ругательств». Действительно ли их так много? Смотря что понимать под ругательствами. Авторы включили в список все слова, которые называют какие-либо недостатки человека. Сюда вошли и слова *глухой, слепой, хромой, лысый* и т.п. Какие же это ругательства? А немцы издали словарь «100 русских вульгарных слов». Первое из них – «аппаратчик». Еще туда вошли «ругательства» *главарь, вкалывать, недотрога, она беременная (?), мешок (?), сопливый, забегаловка, жратва, неумеха, лежебока, шмотки, кайф (?), тюрьма, неотесанный человек, обманщик, подружка, трус, сортир, порножурнал* и другие такого же типа. Вряд ли они являются ругательствами - это просто слова, которые дают человеку или предмету неодобрительную оценку, да и то не во всех случаях.

Что же такое ругательство, инвектива?

В.И.Жельвис определяет инвективу как любое резкое выступление, выпад. Словесная инвектива - это резкий словесный выпад в чей-либо адрес. Обычно это слово или выражение, которое несет неодобрительную оценку чьего-либо поведения, высказывания, характера, внешности и т.д. Такие слова и выражения есть во всех без исключения языках и культурах. При этом, отметим, во всех языках число слов и выражений с отрицательной оценкой всегда значительно превышает число слов с оценкой положительной. Так, в словаре русского языка С.И.Ожегова (60 тысяч слов) из существительных, которые могут быть отнесены к человеку, на одно слово с «хорошей» оценкой приходится 20 с плохой (подсчитали студенты филфака университета). Почему это так происходит? Просто люди более внимательны к плохому, к недостаткам, чаще эти вещи обсуждают, поэтому и более подробно характеризуют и дифференцированно обозначают плохое, недостатки.

Нормы культуры поведения и общения предписывают говорящим ограничивать инвективное словоупотребление, заменять резкие и грубые слова на менее оценочные и более стилистически нейтральные. Вообще, культура поведения, культура общения предполагают умеренность во всем, в том числе и в оценках, в эмоциональности, поэтому инвективы и оказываются неуместными. Грубые инвективы в любом языке табуированы, на их употребление наложен этический запрет.

А что понимать под матом?

Мат - это самые грубые из инвектив, выражающие крайнюю степень презрения, раздражения, наиболее сильную степень эмоции, обычно -

отрицательной. При этом подчеркнем, что к мату относятся *некодифицированные единицы*, то есть такие, которые не признаются единицами литературного языка, не фиксируются общеупотребительными толковыми словарями и не употребляются в письменной форме, не могут быть употреблены при выступлении перед аудиторией, в печати, в средствах массовой информации, в художественных произведениях. Таких слов в русском языке, как и в других языках, как мы уже отмечали, немного, хотя это и не делает их менее заметными, поскольку они, к сожалению, очень часто употребляются в устной речи. Кроме того, 4 основных русских матерных слова имеют много производных.

Необходимо обратить внимание на то, что в русском языке часто не оказывается нейтральных, литературных, «безобидных» слов, обозначающих некоторые предметы и явления - только медицинские термины, «детские» названия либо нецензурные обозначения.

Подчеркнем, что важным признаком матерных слов и выражений является их сугубо устный характер - их нельзя писать, печатать, они чисто устные. Этот запрет, к сожалению, сейчас начал сплошь и рядом нарушаться нашей прессой, телевидением, современными писателями, что оказывает серьезное отрицательное воздействие на развитие современного русского языка, на культуру общения и вообще на культуру общества.

Не находит в современных исследованиях подтверждения и легенда о том, что только русские используют в ругательствах слово «мать», якобы святое для всех остальных народов. Слово это действительно святое, но именно это и делает его «материалом» для ругательства: один из наиболее распространенных в мире способов ругаться, как показал В.И.Жельвис, - поношение святыни. Именно нарушение «святого запрета» и делает такие ругательства очень сильными. Кстати, есть и нематерные ругательства со словом «мать», в том числе и в русском языке: «ой, мамочки!», «мама родная» и др. В западноевропейских странах нередко поминают «мать Бога» (богородицу). Слово «мать» выступает как ругательство у вьетнамцев, испанцев, англичан, поляков, южно-африканцев, сербохорватов, грузин, венгров, иранцев и др.

У некоторых народов бытует мнение: «мы не ругаемся, у нас в языке нет ругательств «... Это не так. Просто в их языке инвективы могут не совпадать с европейскими. Один американец рассказывал, как индеец долго убеждал его, будто в их языке нет ругательств, но чуть не разорвал этого американца, когда тот назвал индейца желтой собакой.

Японский переводчик перевел фразу из русского рассказа «Так какого же хрена вы миски занимаете, когда бригады нет?» так: «Тогда зачем же вы миски грязным способом занимаете?». «Дура» по-японски передается: «подобное женщине паршивое насекомое».

Инвективы есть во всех языках, хотя каждый народ находит свои излюбленные, свойственные только для него способы выражать недовольство собеседником. Скажем, между японским и русским способом ругательства есть такая разница: мы обычно называем человека

или предмет, вызывающий наше неудовольствие, прямо и непосредственно, оценивая его отрицательно; японцы же чаще предпочитают «возвысить себя», а не унижить собеседника. Мы скажем: «Дурак!», «Идиот!», а японец использует конструкцию типа «я умнее», а результат будет тот же самый. Функции инвективы в японском общении выполняет и снятие в нужный момент всех или части формул обязательного этикета, употребление недостаточно почтительных обращений и т.д.

О наличии неприличных слов во всех языках свидетельствует и такое любопытное явление: иностранцы, изучающие русский язык, начинают избегать некоторых русских слов, смущаются при их употреблении - эти слова созвучны ругательным или непристойным в их родных языках. Так, болгары избегают русского слова «спички», чехи – «лекарша», «Люда», рабы – «зуб», немцы – «пупс» и т.д. Англичане избегают французского *rhoque* “тюлень”, индейцы нутка - английского *such*, для русских неприличными кажутся слова *этот*, *брат* и *мы* на суахили (*huyu*, *kaaka*, *sisí*), *куриные яйца* на испанском (*huevos*), *цепь* на китайском (“муди”) и т.д. Для немцев неприлично звучала фамилия министра культуры СССР Е.Фурцевой, для русских неприлично звучат многие китайские фамилии.

Как возникли ругательства

Конкретные ругательства в каждом из языков имеют, разумеется, свое происхождение, свою историю. Распространенная долгое время мысль о заимствовании русским языком ругательств из тюркских языков не подтверждается. Профессор Г.Ф.Ковалев пишет: «Откуда же взялся русский мат? Кто же к нам его занес? А никто нам его никогда не приносил. Это наше родное, тщательно скрываемое детище» (с.48).

Ученый аргументировано показывает, что русские нецензурные инвективы имеют общеславянское и русское происхождение.

Многие ругательства в самых различных языках имеют очень древнее происхождение и установить точно, от каких корней они возникли, не представляется возможным. Однако существует вполне обоснованная точка зрения, что многие ругательства имеют языческое, религиозное происхождение: они использовались по отношению к языческим божествам для того, чтобы заставить эти божества сделать людям что-либо полезное, принести добро. За невыполнение возложенных на них функций (например, за недостаток дождя, недостаточное плодородие почвы, плохой урожай) божков нещадно ругали; считалось, что ругательства могут также способствовать успеху выполнения божками их функций; а поскольку к исполнению религиозных обрядов не допускались женщины и дети, то эти слова и стали как бы чисто мужскими («при женщинах нельзя», «при детях нельзя»). Эта языческая традиция жива и поныне: уходя на экзамен, студентка может сказать маме: «Ругайте меня!» - чтобы успешно сдать экзамен.

Ругательства - очень древние единицы языка. Аналоги ругательств этнологи находят повсеместно и в животном мире (оскал зубов, рык, распушивание перьев и т.д.); ругательства возникали как угрозы, как демонстрация агрессивности, власти, доминирования. О древности их свидетельствует и так называемый синдром Туретта - больные, страдающие этим синдромом, подвержены неожиданным вспышкам рычания и неконтролируемого сквернословия (любопытно, что в некоторых случаях при мозговом кровоизлиянии человек речь утрачивает, а способность к сквернословью - нет).

Почему люди ругаются

Ругательства существуют во всех языках. А это означает, что они нужны: ни один язык не держит в своем словарном запасе таких слов, которые были бы не нужны людям, не удовлетворяли бы какие-то их коммуникативные потребности. Просто ругательства требуют строго ограниченных ситуаций употребления.

Как показывают исследования В.И.Жельвиса и других ученых, причин существования ругательств в современных языках довольно много, и все они объективны, от них нельзя отмахнуться. Рассмотрим основные функции, которые выполняют инвективы в языке.

Важнейшая функция инвектив - снятие стресса, «разрядка» переживаемой человеком в данный момент эмоции. Ругательство выступает как средство «выпустить пар», снять эмоцию. В.И.Жельвис пишет о том, что «в определенных ситуациях инвектива способна создать видимость активного поиска выхода из эмоционального напряжения. Более того, учитывая силу нарушаемого табу, можно даже считать, что это не поиск выхода, а непосредственно сам выход» (с.36). Ср. сцену из “Кола Брюньона” Р.Роллана, когда Кола обнаруживает, что его шедевр изуродован местным феодалом:

«Я стонал, я глухо сопел. Я долго не мог ничего вымолвить. Шея у меня стала вся багровая, и жилы на лбу вздулись; я вылупил глаза, как рак. Наконец несколько ругательств вырвались-таки наружу. Пора было! Еще немного, и я бы задохнулся... раз пробку выбило, уж я дал себе волю, бог мой! Десять минут кряду, не переводя духа, я поминал всех богов и изливал свою ненависть».

Но, как отмечает В.И.Жельвис, инвектива - это средство снятия малого и среднего стресса: «Таким образом, можно говорить о следующей обычной стратегии человека, привыкшего снимать стресс с помощью инвективы. При очень слабом стрессе он прибегает к *инвективе социального типа*, роднящим инвективу с жаргоном и арго ... При усилении напряжения этот тип уступает место *стрессовой инвективе*. Именно здесь инвектива является эффективным средством “выпускания пара”, аварийным вентилем, позволяющим снять напряжение, снизить его до безопасного для психического здоровья минимума. ... Однако

зависимость “усиление напряжения - усиление инвективизации речи” имеет место только до известного предела» (с.38). При глубоком стрессе инвектива уже не помогает - человек ощущает себя опустошенным и не в силах выругаться: «зла не хватает», «даже выругаться нету сил».

Отметим, что человек нередко ругается при эмоциональной разрядке, при облегчении – «с облегчением выругался».

Установлено также, что если человек, к примеру, ударился ногой об стул и при этом выругался, нога у него болит меньше, чем если бы он промолчал. Излив эмоцию от боли, мы этим как бы снимаем и саму боль.

Отсюда следует важный вывод - ругаться в описанных выше ситуациях «полезно для здоровья» (но, разумеется, чтобы не слышали окружающие).

Другая функция ругательств - своеобразное средство защиты своего статуса и понижения статуса оппонента: ругательства в адрес оппонента делают его в глазах ругающегося более «слабым». Нужно при этом иметь в виду, что ругательства, крик, скандал - защитное оружие слабого, того, кто боится за свое положение, престиж, привилегии и т.д.

Близка к этому и функция «самоподбадривания». Боксеры в профессиональном боксе нередко начинают с оскорблений, а затем, с гонгом, бросаются друг на друга с кулаками. Средневековые междоусобицы часто начинались со словесных поединков сторон - два войска друг друга оскорбляли, чтобы «было за что» броситься друг на друга.

Ругательства выступают и как средство подавления собеседника, как агрессивное средство нападения. Не случайно «браниться» и «поле брани» (сражения) - однокоренные слова. Брань используется именно как инструмент в сражении, как выражение агрессии. В рукопашной схватке фронтовики всегда матерились.

Ругательства используются и для самоуничтожения: «Ах я, балда!» Ср.: «Что же я, дурак, наделал!» и т.д. Человек как бы «выпускает пар» от собственной неудачи: «Эх я, дурак! Зачем, зачем не улетел я с нею? Чего испугался, старый осел?... Эх, терпи теперь, старый кретин!»/ М.Булгаков/.

Ругательства помогают человеку скрыть страх, уязвимость: «Уходи, сатана! Носит тебя нелегкая! Таскаешься, леший, по ночам!» Часто при этом оппонента отсылают во власть злых сил: «Иди к черту! Иди к дьяволу! Черт бы тебя побрал!» и др.

Ругательства имеют магическую функцию, которая основана на вере в способность ругательства положительно влиять на события, оберегать человека, если оскорбление наносится доброжелателями: «Ругайте меня, когда я буду сдавать экзамен!», Ср. : Ни пуха, ни пера! Магическая функция выражается также в клятвах, божбе с использованием инвектив: «Гадом буду, если не сделаю!», «Разрази меня гром!» и т.д.

С реализацией магической функции инвектив связана так называемая ритуальная инвективизация речи (В.И.Жельвис), когда оскорбление осуществляется с оградительными целями, когда «позор фиктивный имеет целью предотвратить позор истинный», когда оскорбление наносится

доброжелателями. На свадьбе было принято с этой целью поношение жениха: ср. «корильные» русские свадебные песни. С этой же целью римские солдаты осыпали оскорблениями полководца-триумфатора. Наши предки выбирали ребенку уничижительное имя, чтобы демоны не покусились на столь ничтожный предмет. У африканского племени ндембу нового вождя принято поносить самыми оскорбительными словами, чтобы ему сопутствовала удача.

Ругательства, употребление непристойных слов и выражений дают человеку «власть над демоном сексуальности» (В.И.Жельвис), способствуют преодолению страха за свои сексуальные возможности (непристойные куплеты, анекдоты, частушки в среднем и пожилом возрасте, да и в молодежной аудитории).

Бранная лексика нередко используется для демонстрации высокопоставленными людьми своей «близости к народу»: мы, мол, демократичны, говорим как «простой народ». Помню, как в студенческие годы одна моя знакомая пригласила меня снять фильм о ее свадьбе. Жених был из партийной номенклатуры, и на свадьбе присутствовали его оживленные коллеги. Они приняли меня за нанятого за деньги работника сферы обслуживания и разговаривали нарочито грубо, с матом - видимо, чтобы мне было понятнее, демонстрировали свое покровительство, намекали, что обязательно «нальют», заговорщицки подмигивали и т.д.

Инвективы используются также для демонстрации социальной доминантности. В этой функции часто используют инвективы высокопоставленные лица, а также мужчины в обществе женщин и более «слабых» - чтобы показать, что они в силу своего положения могут нарушить табу. В таком случае инвектива демонстрирует как бы высокий статус ругающегося.

Ругательства часто используются в функции междометий, для «заполнения пауз», во вставочной функции. Подобная тенденция характерна для многих стран Европы, в очень большой степени она свойственна и русскому общению. Можно сказать, что в русском общении «мат для связки слов» вообще преобладает.

«Вставочное» употребление инвектив обусловлено целым рядом факторов. Ругательства в междометной функции позволяют в быстрой эмоциональной речи, где часто возникают ошибки, *отвлечь внимание от ошибок* и вообще *от содержания речи*. Именно преобладание междометной функции позволяет воспринимать как ругательства бессмысленные сочетания звуков:

- Может ты вундеркинд, соксиль-воксиль,- крикнул Петруха, думая остановить этим непонятным сочетанием парня.

- Не матюгайся, дядя Петя,- спокойно возразил Славик.

Отсюда же и такие эвфемистические выражения как «елки-палки», «ёкалэмэнэ», «ё-мое» и подобные им.

Инвективы в междометной функции также *заполняют излишние паузы*, которые могут возникнуть в быстрой устной речи, но являются там

нежелательными, неуместными; инвективы в таком случае создают впечатление непрерывного потока информации.

Междоменная функция инвектив связана также с эмоциональностью: «Взволнованный говорящий может не найти нужных слов, которые были бы одновременно достаточно информативны и выразительны; поэтому происходит своеобразное разделение труда: одни слова сообщают информацию, другие делают эту информацию более эмоционально насыщенной» (В.И.Жельвис, с.78).

Во многих ситуациях ругательство заменяет физическое столкновение. Один английский психолог в середине XIX века писал: «Возможно, тот дикарь, который в первобытном обществе впервые обругал своего собеседника, вместо того, чтобы не говоря худого слова разломать ему голову дубиной, заложил тем самым основы современной цивилизации».

И еще одна важная особенность инвектив: они являются своеобразным «средством быстрого реагирования» - дают возможность немедленно отреагировать на ситуацию, а более конкретное, более глубокое осознание ситуации при этом как бы отодвигается на потом. Инвективы позволяют человеку выиграть во времени, получить некоторое время на обдумывание ситуации.

Кроме того, ругательства выражают сложную эмоцию компактно и экономно: в ругательство можно вложить всю гамму обуревающих человека чувств и одновременно выразить их, как в известном анекдоте, когда его герой на все реагировал фразой «ну, б..., вообще». В какой-то ситуации, человеку это может быть необходимо. Ср. эпизод, рассказанный Ф.Достоевским:

«Однажды в воскресенье уже к часу ночи мне пришлось пройти шагов пятнадцать рядом с толпой шестерых пьяных мастеровых, и я вдруг убедился, что можно выразить все мысли, ощущения и даже глубокие рассуждения одним лишь названием этого существительного, до крайности к тому же немногосложного. Вот один парень резко и энергично произносит это существительное, чтобы выразить о чем-то, о чем у них общая речь зашла, свое самое презрительное отрицание. Другой в ответ ему повторяет это же самое существительное, но совсем уже в другом тоне и смысле, - именно в смысле полного сомнения в правильности отрицания первого парня. Третий вдруг приходит в негодование против первого парня, резко и азартно ввязывается в разговор и кричит ему то же самое существительное, но в смысле уже брани и ругательства. Тут ввязывается опять второй парень в негодовании на третьего, на обидчика, и останавливает его в таком смысле: что, дескать, «что же ты так, парень, влетел. Мы рассуждали спокойно, а ты откуда взялся - лезешь Фильку ругать». И вот всю эту мысль он проговорил тем же самым словом, одним заповедным словом, тем же крайне односложным названием одного предмета» (В.И.Жельвис, с.80).

Если попытаться сделать общий вывод о причинах инвективного словоупотребления, то можно сказать, что в большинстве случаев

инвективизация речи наблюдается у тех людей, у которых имеет место большой разрыв между умением оперировать мыслительными и языковыми категориями (Жельвис с.42), то есть у тех, кто не обладает достаточно адекватными навыками перевода мысли в речь.

В разных странах, разных социальных, возрастных группах, у мужчин и женщин наблюдаются существенные различия в использовании инвективной лексики.

Так, католики-мужчины ругаются больше, чем протестанты, христиане ругаются больше, чем мусульмане, причем, мусульмане часто ругаются, понося христианские святыни (Христа, богородицу, крест, папу римского), но не поносят свои.

Психически больные ругаются больше, чем здоровые люди, они чаще делают замечания в форме, содержащей ругательства.

Люди, занимающие высокое положение в обществе, обычно публично ругаются меньше, чем социальные низы и «слабые» люди. Так, в Африке, в регионе распространения языка суахили, высокопоставленный человек, ударив, скажем, себя молотком по пальцу, скажет строки из Корана: «Ничто не бывает плохим или хорошим без воли на то Аллаха». «Слабые» же - женщины, дети, старики, иждивенцы - в таких случаях ругаются. Правда, в России нередко наблюдается начальственное сквернословие - начальник сквернословит в присутствии подчиненных, подчеркивая свою доминантность, власть, привилегированное положение. Физик В.Шкловский рассказывал об одном очень серьезном совещании у Берии: Берия прервал докладчика и обрушил на собравшихся академиков поток грязной брани. Ученые потупили глаза, и тут встал академик П.Капица и стал в тех же выражениях честить Берию: мол, когда разговариваешь с физиками, мать твою перемать, ты должен стоять по стойке смирно, а не позволять себе такую наглость. Берия тут же прервал совещание, а на следующий день Капица был снят с поста директора Института физических проблем АН СССР и посажен под домашний арест. Материться имел право только Сам...

У англичан вежливость к нижестоящим считается главным проявлением аристократизма: не ругаться - значит, быть аристократом.

Почему особенно часто ругаются мужчины и подростки?

Дети чаще, чем взрослые, словесно выражают свое ситуативно обусловленное неудовольствие друг другом, используют свои, детские ругательства, дразнилки, оскорбления. Недавно я слышал, как один пятилетний мальчик назвал другого «чулок дырявый». Надо же такое придумать!

Частотность инвектив в детской речи связана прежде всего с тем, что дети обладают повышенной эмоциональностью и не усвоили еще навыков культуры поведения и общения, диктующих умеренность в выражении эмоций. С другой стороны, дети правополушарны, поэтому они

используют инвективы как удобные готовые формулы, клише, готовые реакции. Инвективы в детской речи также нередки как средство защиты от обидчика и средство повышения своего статуса в группе.

Подростки используют брань как средство интеграции в общество старших, средство повышения статуса, а также как защиту от возможной агрессии или как демонстрацию агрессии. Бранная лексика может использоваться подростками как орудие бунта: а вот посмотрю на ваши лица!

В большинстве культур ругательства считаются уделом мужчин. Основные функции ругательств в речи мужчин связаны с потребностью выразиться эмоционально, стремлением продемонстрировать мужскую доминантность (как доказательство, что он, мужчина, может употреблять эти слова когда захочет).

Но существуют общие причины инвективизации речи подростков и мужчин:

- демонстрация «принадлежности к группе», то есть инвективы используются, чтобы показать, что тот или иной собеседник – «свой», продемонстрировать корпоративный дух:

«И тут нас выручил один пожилой солдат, который спустился к самому берегу реки и принялся крыть часового отборными словечками. Только тогда часовой по-настоящему поверил, что на другом берегу свои» («Неделя», 1982).

«Они разложили маленький огонь от комаров, вывалили на газету разваренную рыбу. По кругу гулял родимый граненый. Говорили они, употребляя в десятках вариантов одно и то же слово. Меня они застеснялись, но я употребил еще один вариант этого же слова и стал как бы свой» (В.Крупин).

- демонстрация внутривидовой солидарности: мужчины и подростки нередко начинают ругаться, оказавшись в мужской компании; мужчины редко делают друг другу замечания, связанные с употреблением нецензурной брани - ругаться как бы считается «по-мужски». Любопытно, что в странах, где сильно феминистское движение, женщины-феминистки начинают больше ругаться, устанавливая «равноправие» в этой сфере.

- междометное употребление для создания связности устного текста (эта функция часто оказывается основной, ведущей): подростки и мужчины обладают, как правило, недостаточными навыками развернутой связной монологической речи, и инвективы используются как компенсация отсутствующих навыков связывания отдельных элементов текста в единое целое;

- междометное употребление для создания эмоциональности устного текста - инвективы вносят эмоциональность в текст, словесно выражают эмоцию; подростки и мужчины несклонны к эмоциональной речи и не имеют достаточных навыков создания развернутых эмоциональных текстов; кроме того, эмоциональная речь рассматривается мужчинами как

вообще «не мужская», поэтому для выражения эмоций они пользуются готовыми инвективными штампами, «искусственно» внося эмоцию в свою неэмоциональную речь.

В чем вред ругательств?

Использование инвектив ведет к целому ряду отрицательных последствий для говорящего, слушающего и общества в целом.

Главное, конечно - это оскорбление общественной нравственности. Публичное употребление ругательств является грубейшим нарушением общественного, морального запрета. Кстати, в некоторых странах есть уголовные статьи, предусматривающие наказания за брань в общественном месте.

Брань в общественном месте оказывает деструктивное влияние на законопослушность общества: если можно публично нарушать моральные запреты, нормы приличия в сфере общения, значит, эти законы не обязательны к исполнению, их нарушение возможно, допустимо, а то это наглядный первый шаг к возможности нарушению законов и норм поведения вообще.

Брань развивает в человеке, ею пользующейся, цинизм поведения и мышления: циничное нарушение табу развивает привычку к деструктивному, циничному мышлению, сопровождаемому отсутствием какой-либо позитивной линии в мышлении, «позитивной программы».

Брань подавляет индивидуальность как говорящего, так и слушающих ее, приучает к стереотипным реакциям, «выбросам» неконтролируемых эмоций. Непристойные слова и выражения отучают человека от привычки *объяснять*, что он имеет в виду, от привычки анализировать ситуацию и выражать свои мысли в развернутом виде: выругавшийся человек избавляет себя от необходимости оформить свое отношение к ситуации другими словами, он отучается от нормальной монологической речи.

Ругательства во многих ситуациях служат заменой действию или решению: поругались и разошлись; это отучает от анализа ситуации и интенсивного поиска разрешения спорных проблем, приучает к «эмоциональному разряжению» вместо принятия решения.

Брань в общественном месте очень заразительна, люди легко принимают тот стиль общения, который предлагает ругающийся человек, что ведет лишь к формированию привычки обмениваться эмоциями вместо обсуждения проблемы по существу.

Привычка к междометным инвективам разрушает у человека механизм связного и логичного, обдуманного изложения своей точки зрения, приучает человека к стандартным речевым оценкам, использованию стандартных клише и формул, разрушает механизм связной речи.

Отметим, что все сказанное относится к ругательствам, используемым в *общественных местах*. Следует иметь также в виду, что «виноваты» в

обществе, строго говоря, не сами ругательства, а их неумеренное или неуместное употребление.

При этом совершенно ненаучными представляются нам ссылки на некоторые исследования никому не известных ученых, которые, якобы, установили, что нецензурные слова разрушают ДНК человека, от их употребления вянут цветы и т.п., что «существует связь между широким распространением сквернословия и катастрофическим состоянием психического и физического здоровья населения России» (Попова, с.84). Сами слова не могут ни на что повлиять – ни на ДНК человека, ни на цветы. Повлиять может аура, биополе, психическая агрессия конкретных людей, которые эти слова употребляют, при этом совершенно неважно, какие слова они будут при этом произносить – звуковые комплексы ни на что не влияют. Что касается «психического и физического здоровья населения России», то их состояние тем более никак не зависит от неких звуковых комплексов, звучащих вокруг – вокруг звучит и много других звукокомплексов; психическое и физическое здоровье людей зависит от социальной среды, в которой они находятся. Речь людей лишь отражает состояние их психики, уровень их культуры,

Как бороться с ругательствами

Общественная борьба с инвективами необходима, хотя речь не может идти о том, чтобы общество совсем перестало пользоваться инвективами. Как совершенно правильно писал В.И.Жельвис, «борьба с инвективным словоупотреблением необходима и желательна, и общепринятые формы этой борьбы - общественное осуждение, компании против сквернословия в прессе, цензурные ограничения, соблюдение соответствующих законодательных актов - оказывает определенный сдерживающий эффект. Вместе с тем из сказанного выше вытекает, что *закончиться полной победой такая борьба не может принципиально, отчего не имеет смысла ставить перед собой такую цель*» (с.125).

Борьба со сквернословием должна ставить реальную цель - не «запретить», «изгнать», «уничтожить» и т.д. инвективную лексику из языка вообще (все это нереально), а *объяснить, как надо этими словами правильно пользоваться*. Реальную победу над сквернословием мы сможем отпраздновать тогда, когда исчезнет *публичное сквернословие*, то есть сквернословие в общественных местах, «при свидетелях». Такая задача представляется нам реальной и выполнимой. В узких же коммуникативных сферах, в специфических узких сообществах людей сквернословие всегда будет сохраняться.

Еще раз подчеркнем, что «виноваты» в обществе не сами ругательства как знаки языка, а их неумеренное или неуместное употребление. Если преступник воспользовался ножом для совершения преступления, виноват в преступлении все-таки он, а не его нож. Вред же, приносимый

ругательствами, должен быть нейтрализован специальными мероприятиями, грамотной разъяснительной работой.

Что же может помочь нам справиться со стихией сквернословия?

Во-первых, и это - самое важное: необходимо *развивать речь детей, молодежи и подростков*, приучать их грамотно, эмоционально и при этом культурно выражать свою мысль. Необходимо учить их нормативно (в литературной или разговорной форме) выражать мысль, литературно излагать свою точку зрения и выражать оценку событий и фактов, то есть развивать речевые механизмы нормативной связной устной речи.

Во-вторых, необходимо объяснять подрастающему поколению (и взрослым сквернословам), что недопустимы не ругательства как таковые, а их использование в общественных местах, то есть при наличии слушателей, свидетелей. Попробуем объяснить им, что можно ругаться себе под нос, ругательства выполняют свои функции при их индивидуальном употреблении: важно, чтобы их никто, кроме вас, не слышал.

В-третьих, зачем обязательно ругаться десятком общеизвестных слов? Посоветуйте учащимся – «придумайте себе свои собственные ругательства, которых ни у кого нет», кстати, их можно будет употреблять и «при свидетелях». Я знал одну студентку, которая ругалась в любой ситуации так: «У-у, колготка!». И этого ей всегда было достаточно. Кстати, возникшее и получившее в последнее время широкое распространение эмоциональное восклицание «блин» можно в какой-то степени и поддержать - оно поможет вытеснить из употребления общеизвестные нецензурные слова.

Вообще, одним из способов преодоления нецензурного словоупотребления является замена нецензурных и особо грубых слов на просторечные и жаргонные, использование сленга, который формируется в настоящее время: употребление этих слов может заполнить многие стилистические лакуны языка, которые заполняются до сих пор нецензурными лексемами - ср. активизировавшееся в современном языке сленговое слово *трахать* (И.А.Стернин, 1997, с.43-48).

В-четвертых, бесполезно говорить детям и молодежи: «Нельзя ругаться!» Это бесполезно, поскольку ругательства молодежи нужны как обязательный элемент общения и поведения, свойственный возрасту - мы об этом уже говорили. Надо *не запрещать*, а *разрешать и ограничивать*. Надо объяснять, что ошибкой является не ругательство как таковое, а то, что его *слышат* другие люди или те, кто не должен слышать, кому это не нравится и т.д. Вот как, например, американский психотерапевт Г. Гиннот предлагает матери говорить с ребенком, который стал ругаться: «Мне такие слова очень не нравятся, но я знаю, что мальчики ими пользуются. Мне бы не хотелось их слышать. Прибереги их для раздевалки при спортивном зале. В нашем доме они запрещены» (Жельвис, с.55).

Таким образом, 1) мать признает, что слышала грубые слова от ребенка и что знает, какие это слова; 2) она признает, что употребление этих слов в обществе реально имеет место; 3) она говорит, что не хочет, чтобы они звучали в ее доме (указано, где они *не должны* звучать); и 4) советует ребенку, где эти слова можно употреблять - с мальчишками, в раздевалке при спортивном зале. Мать *разрешает ребенку ругаться, но ограничивает для него возможность ругаться спортзалом*. Подобный способ объяснения «где можно ругаться» представляется оптимальным.

Еще одним способом борьбы с инвективным словоупотреблением, с вербальной агрессией является создание ей общественной альтернативы. В.И.Жельвис в качестве такой альтернативы видит, к примеру, «инвективную музыку» - рок, рэп, тяжелый металл (с.136). К этому можно добавить спорт, танцы и другие средства эмоционально-физической нагрузки и разгрузки.

И, разумеется, необходимо изгнать нецензурщину со страниц газет, с экранов телевидения и с телеэкранов. Наши журналисты, «расслабившись» в условиях свободы печати и стремясь к максимальному реализму в изображении - чтобы все было как в жизни - переносят мат на экран и на газетные полосы, не учитывая того, что экранное и печатное слово исключительно заразительно и рядовой человек склонен имитировать ту речь, которая предлагается ему через средства массовой информации. Матерятся с экрана звезды шоу-бизнеса. Это приведет к катастрофе: дети будут ругаться только потому, что так говорят по телевизору, так пишут в газетах. В.И.Жельвис пишет: по самой своей природе инвектива носит устный характер. Ее появление в печатном (письменном) виде резко меняет отношение к ней: из вырывающегося «от души» восклицания она превращается в нечто гораздо более долговременное, допускающее возможность остановиться, обдумать оскорбление, возможность своей реакции и т.д. Кроме того, здесь всегда присутствует ощущение нарушения табу не только автором, но и цензором, редактором и т.д., т.е. вызов общественной морали звучит более вызывающе, как бы от лица целой группы людей, вдобавок облеченных властью разрешать и запрещать» (с.59).

Писатель Венедикт Ерофеев в «Уведомлении» к поэме «Москва-Петушки» отмечал, что поначалу предупреждал читателей (прежде всего девушек) об особенностях главы «Серп и Молот - Карачарово», где за словами «И немедленно выпил» следовало полторы страницы сплошной матерщины. Но когда он понял, что предупреждения бесполезны, а читатель, не читая произведения целиком, первым делом бросается к этой главе, он просто снял из последующих изданий весь нецензурный текст, и теперь глава состоит из одной лишь фразы - «И немедленно выпил». Данный пример - образец для подражания многим нынешним писателям, большинство из которых, к сожалению, не поступает так, как поступил В.Ерофеев.

Оптимальный пример изображения сквернословия в художественном произведении мы видим в художественном фильме «Председатель», где Егор Трубников в исполнении М.Ульянова ругается, предварительно подав команду: «А ну бабы, закрой слух!». Ругается он для зрителя беззвучно, но после его тирады дружно взлетают вороны. Ни одного грубого слова с экрана не прозвучало, хотя художественный эффект авторами полностью достигнут.

Полезно было бы взять пример с древних греков: их трагедии были полны убийств и смертей, но существовал запрет на изображение смерти на сцене: убийства осуществлялись за сценой, а герои только рассказывали о подробностях происшедшего. От этого их трагедии не стали менее реалистичными, а наоборот - становились более чистыми и возвышенными. Вот бы и всем нашим писателям так...

Верховный суд США в 1978 г. официально признал семь английских слов наиболее непристойными ругательствами. Однако, что характерно - ни одна из американских газет не решилась опубликовать этот список - именно из-за его крайней непристойности (В.И.Жельвис, с.270).

Свою роль в борьбе со сквернословием должны сыграть женщины - они не должны допускать сквернословия в своем присутствии, в присутствии своих детей. Выше уже отмечалось, что мужчины нередко стесняются делать друг другу замечания в связи с употреблением бранных слов, поскольку внутренне считают, что подобное словоупотребление допустимо в мужской речи, что это «по-мужски». Разумеется, долг интеллигентных мужчин - не допускать в своем присутствии публичного сквернословия.

И, наконец, необходимо демонстрировать сквернословам образцы культурной, интеллигентной речи, демонстрировать элитарное словоупотребление - это также позволяет вытеснить сквернословие из употребления в том или ином кругу говорящих.

Приведем некоторые речевые формулы замечания сквернословам:

«Ребята, фильтруйте базар»

«Ребята, скоро за эти слова вы будете ругать своих детей»

«Ребята, человеку нужно в течение дня опорожнять свой желудок и мочевой пузырь. Но он же не делает это там, где кругом люди, для этого есть специальные места. Гадкие слова нужны, чтобы выбросить из человека гадкое, но это тоже надо делать там, где никого нет».

« Неужели у вас нет других слов, кроме этих...»

Ниже мы опишем собственный опыт борьбы со сквернословием в мужской компании.

Опыт вытеснения сквернословия из мужского словоупотребления

Наблюдения над общением мужчин в обычной палате хирургического отделения клинической больницы (включенное наблюдение в течение трех недель) позволяют охарактеризовать некоторые особенности мужского

сквернословия с точки зрения его функций, устойчивости в общении и возможности его преодоления.

На момент начала наблюдения в палате доминировал нецензурный регистр общения, для которого были характерны высокая частотность употребления нецензурной лексики в разговоре, полный набор наиболее употребительных в русском языке нецензурных слов, повышенная громкость общения, рваный ритм общения, пиковые интонации речи.

Анализ инвективного словоупотребления в наблюдаемой группе коммуникантов показал, что основными функциями сквернословия являлись:

- междометная; в этой функции нецензурные слова произносятся вставочно, для «связки слов», они не выделяются в потоке речи интонационно, не выделяются громкостью, фонетически примыкают к предыдущему или последующему слову, используются фактически безоценочно и в известной степени - орнаментально, для придания речи эмоциональности;

- корпоративная; в этой функции сквернословие используется мужчинами для создания корпоративного мужского духа в группе общения;

- демонстрация половой принадлежности; в этой функции сквернословие используется мужчинами для демонстрации своего «мужского начала», принадлежности к мужскому полу;

- эмоционально-оценочная функция; в этой функции нецензурное словоупотребление выступает как средство выражения переживаемой непосредственно в момент речи нерасчлененной эмоции, чаще - отрицательной, но иногда и положительной; в таком случае нецензурное словоупотребление ярко интонационно выделено в структуре высказывания, на него падает логическое ударение, оно выделено паузами, артикуляция нецензурных лексем весьма интенсивна, пропорционально силе выражаемой эмоции;

- функция «дружеского подбадривания»; в этом случае нецензурные слова используются как бы дружески-непринужденно, как выражение положительного отношения к собеседнику;

- функция поношения третьего лица для установления контакта между двумя общающимися; в этом случае нецензурно ругают «общего врага» - чаще врачей, больницу, «медицинскую систему», что призвано установить дух дружеской «солидарности» в оппозиции «общему врагу».

Анализ показывает, что доминирующей функцией сквернословия в исследуемой группе неизменно выступает вставочно-междометная, которая в известной степени опирается на корпоративную функцию и функцию демонстрации половой принадлежности; дополнительной выступает эмоционально-оценочная функция, и крайне редко используется сквернословие в функциях дружеского подбадривания и поношения третьего лица. Вставочно-междометная функция сквернословия оказывается полностью доминирующей в мужском

общении, а эмоционально-оценочное употребление было тематически закреплено: оно использовалось преимущественно при обсуждении тем «длительность пребывания в больнице» и «низкая квалификация персонала».

Преобладание нецензурного регистра общения в палате было подавляющим. В первый день пребывания в палате наблюдателем была предпринята попытка ненасильственного изменения регистра общения. С этой целью были использованы следующие приемы речевого воздействия:

- с первых минут общения была принята фамильярная манера общения, наблюдатель представился по имени - как все, продемонстрировав готовность сразу же принять сниженный регистр общения;

- были исключены какие-либо вербальные замечания, касающиеся регистра общения;

- при участии в разговоре была односторонне принята подчеркнуто вежливая форма общения;

- было использовано тотальное обращение на «вы», включая самых молодых собеседников, подобное обращение слегка подчеркивалось интонационно;

- нецензурная лексика собеседников оставлялась без внимания, но в собственной речи наблюдателя не использовалась;

- соблюдался высокий уровень вербальной бытовой вежливости (спасибо большое, пожалуйста, вам не мешает приемник?, вы не будете возражать, если я открою окно и др.);

- широко использовалось предложение помощи (вам принести чай? у меня новая газета, не хотите читать? не хотите яблок? и др.)

К середине второго дня регистр общения в палате изменился. Стал преобладать нейтрально-вежливый регистр с отдельными чертами дружески-фамильярного регистра. Этот регистр стал устойчивым на весь последующий период пребывания.

Отметим, что когда спустя несколько дней в палату были переведены двое новых пациентов из другой палаты, они перенесли из своей бывшей палаты нецензурный регистр общения, но те же приемы, а также доминирующий уже в палате нейтрально-вежливый регистр общения позволили в течение дня модифицировать их регистр общения, преобразовав его в уже установившийся в палате нейтрально-вежливый регистр, исключая сквернословие.

Таким образом, нецензурный регистр мужского общения основан преимущественно на междометном употреблении нецензурной лексики. Он носит неустойчивый характер, является чисто ситуативным и может быть модифицирован путем демонстрации элитарного уровня общения.

Заключение

Сквернословие – это употребление бранной и нецензурной лексики. Сквернословие морально осуждается обществом и с ним необходимо вести борьбу. При этом всякие призывы к запрету бранной и нецензурной лексики неэффективны, так как эти типы лексических единиц, как и все остальные, имеют в языке свои функции, которые они успешно выполняют. Необходимо строить борьбу со сквернословием через разъяснение назначения этих слов и условий их употребления, приучая людей не использовать бранную и нецензурную лексику в общественных местах, не исключая при этом возможность ее употребления в ограниченных ситуациях среди «своих». Борьба со сквернословием – это борьба за уместность используемых речевых средств, то есть за культуру речи,

Подобный путь борьбы с общественным сквернословием представляется нам наиболее реалистичным и эффективным. Пожелаем друг другу в этом успеха!

Литература

Жельвис В.И. Поле брани. Сквернословие как социальная проблема. - М., Ладомир, 2001. - 330 с.

Ковалев Г.Ф. Похабен ли русский мат? / Мужской взгляд. - Воронеж, 1997. - С.47-51.

Попова Е.А. О прошлом и настоящем русского мата / Проблемы русского и общего языкознания. Межвузовский сборник научных трудов. – Вып.8. - Елец. 2010. – С.78 -85.

Стернин И.А. О мате по-научному / Теоретические и прикладные проблемы языкознания. - Воронеж: «Истоки», 2008. – С.313-320.

Стернин И.А. Общение с мужчинами. Воронеж, 1996. - 32 с.

Стернин И.А. Общественные процессы и развитие русского языка. Воронеж, 1997. - 65 с.

Стернин И.А. Почему дети грубят / “Левый берег” - 1991. - № 24.

Химик В.В. Поэтика низкого, или Просторечие как культурный феномен. - СПб, 2000. - 296 с.